

MILICIA

АЛЖИР : ЛАГЕРЬ НАСИЛИЯ

Зиябек КАБУЛЬДИНОВ, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова

В 30–40-е годы XX века руководство СССР сделало попытку превратить Казахстан в лагерную республику. В крае стали открываться один за другим лагеря – Карлаг, Степлаг, Экибастузлаг, Джезлаг и другие. Один из них – женский лагерь, прозванный в народе «АЛЖИРом», был расположен вблизи современной Астаны. Здесь содержались женщины со всего Советского Союза, осужденные по надуманным и необоснованным политическим мотивам. В основном это были жены, матери, дочери известных государственных и общественных деятелей СССР.

Создание системы лагерей для родственниц политзаключенных

Тогда главным методом управления гражданами страны стал террор и массовое заключение их в лагерь. Для того чтобы содержать огромное количество заключенных, потребовалась широкая сеть концентрационных лагерей. Заключали в тюрьмы женщин, нередко с малолетними детьми, только за то, что они состояли в близком родстве с политическими заключенными – «врагами народа». Начавшаяся в 1937 году кампания по осуждению женщин ЧСИР (Члены семей изменников Родины. – Авт.) привела к необходимости создания специальных женских лагерей. Первоначально на заседании Политбюро ЦК КПСС был принят документ с грифом «строго секретно», где НКВД (Народный комиссариат внутренних дел. – Авт.) было предложено «всех жен осужденных изменников Родины, членов право-троцкистской,

шпионско-диверсионной организации заключать в лагеря не менее чем на 5–8 лет». Местом организации этих лагерей должны были стать Нарымский край и сарыаркинские степи Казахстана. В категорию «ЧСИР» включали также матерей, сестер и дочерей. Но в законодательных актах того времени в названиях лагерей практически всегда употреблялся термин «жены изменников Родины». Более того, нередко это были даже не жены, а уже вдовы. 15 августа 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР с подробным разъяснением рекомендаций относительно жен изменников Родины. Здесь предусматривался весь процесс деятельности репрессивной машины сталинизма, начиная от ареста, включая пребывание их в тюрьме, заведение следственных дел, объявление обвинительного приговора и до отправления в тот или иной лагерь. По этому документу обязательному аресту подлежали лица, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными на момент ареста, а также жены, хотя и состоявшие с осужденными в разводе, но либо «непосредственно причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, либо укрывавшие осужденного, либо знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом соответствующим органам». Одновременно с арестом производился тщательный обыск, когда изымались оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы, «контрреволюционная» литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы. Все имущество, лично принадлежащее арестованным, конфисковывалось. Квартиры арестованных опечатывались, а позднее передавались советским работникам. В тюрьмах и в лагерях сидели как беременные, так и женщины с грудными детьми. После ареста и обыска женщины должны были конвоироваться в тюрьму, где на них заводились следственные дела и выносилось краткое обвинительное заключение. Далее дела направлялись на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Теперь дело оставалось за малым – провести скорое следствие и вынести обвинительный приговор. Здесь даже не оговаривался момент невинности подследственной. Жены осужденных изменников Родины подлежали заключению в лагеря в зависимости от степени социальной опасности, не менее как на 5-8 лет. На самом же деле учитывалась или принималось во внимание социальная опасность не жены, а мужа. Чаще женщины получали максимальный срок по этой статье – 8 лет, если ее мужа расстреляли. Если муж отбывал наказание в лагерях, то можно было получить и минимальный срок – 3 года. Первоначально все женщины, осужденные как ЧСИР, должны были отбывать наказание в Темниковском лагере поселка Явас Зубово-Полянского района Средневолжского края Мордовской АССР. Но одно отделение не смогло

разместить всех осужденных по этой статье. И в течение нескольких месяцев подобные отделения стали возникать и в других лагерях. Самые крупные спецотделения, созданные для ЧСИР, были в Темниковском, Сибирском и Карагандинском ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь. – Авт.).

История создания Акмолинского лагеря

Значительная часть лагерей находилась на территории Казахстана. На это имелись свои объяснения. Во-первых, суровый климат Казахстана, особенно его центральные и северные и северо-восточные районы хорошо подходили для размещения заключенных. Во-вторых, после опустошительного голода начала 30-х годов XX века, когда было уничтожено до 70 процентов этнических казахов и более 200 тысяч представителей других народов, край стал регионом с весьма низкой плотностью населения. В-третьих, республика с богатыми природными ресурсами нуждалась в дешевой рабочей силе. Крупнейшим из лагерей Казахстана стал Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Он был создан в 1930 году. Именно на его базе и был создан Акмолинский лагерь жен изменников родины (АЛЖИР). Акмолинское спецотделение Карлага НКВД было образовано в декабре 1937 года. В 1936 году началось строительство барачных и формирование на этом месте детской колонии. А в августе 1937 года подростки были переселены в другие места. Началась подготовка к приему заключенных ЧСИР. Официально это было Акмолинское спецотделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря. Но фактически оно являлось самостоятельной хозяйственной единицей. Лагерь имел свой расчетный счет, но все приказы и распоряжения исходили непосредственно из Москвы. 29 декабря 1939 года лагерь был переименован в 17-е Акмолинское отделение Карлага. В некоторых официальных источниках с этого момента оно стало именоваться как ИТЛ «Р-17», где буква «Р» являлась шифром Карлага во всесоюзном масштабе, а цифра «17» – порядковым номером, но уже в рамках и в структуре Карлага. АЛЖИР – это неофициальное название, придуманное самими женщинами, использовавшими первые буквы определения. Это название прочно закрепилось за лагерем. За период с 1938 по 1953 гг. через АЛЖИР прошли около 20 тысяч заключенных. Точное количество их до сих пор не определено. Первые этапы стали прибывать в Акмолинское отделение в январе 1938 года из Москвы, Оренбурга, Иркутска, Ростова и других городов СССР. Их ждали наспех построенные бараки, усиленный конвой и полная изоляция на 3-8 лет. Здесь размещались и выходцы из Казахстана. Для заключенных был предусмотрен специальный режим, запрещавший свидания и переписку с родными и близкими. Был строго регламентирован внутренний распорядок дня: постоянное конвоирование; запрещение свободного

передвижения по лагерю; ежедневные проверки; обыски; запрет на переписку и ведение дневников. Злостных нарушителей этих правил нередко отправляли в карцер. На косынках, спинах и рукаве верхней одежды они имели свои лагерные номера. Первоначально лагерь состоял из 6 бараков и нескольких служебных домиков. В течение месяца бараки заполнялись до отказа, хотя они были рассчитаны на 250-300 человек. Размещение заключенных вдвое больше «нормы». В основном бараки состояли из двухъярусных нар, реже из трех, нередко приходилось размещаться на полу. На высоте верхних нар находилось узкое продольное отверстие, заменявшее окно. В каждом бараке назначался староста, на которую возлагались самые разные обязанности: поддерживать порядок; улаживать конфликты между узниками; проводить вечернюю проверку; получать и распределять задания на работу; осуществлять связь между заключенными и лагерным начальством и т. д. На протяжении всего периода пребывания заключенных в Акмолинском отделении бытовые условия осужденных были очень тяжелыми. Нередко узники при 40 градусных морозах работали полураздетые, в результате чего получали обморожения и умирали. Питание было весьма скудным и однообразным: пайка черного хлеба, черпак баланды, чайная чашка «каши-размазни». Свирепствовали инфекционные болезни. Поэтому была высокая смертность. Ситуация усугублялась еще и тем, что женщины практически не знали о судьбе своих мужей и детей. 26 июня 1941 года в Акмолинское отделение прибыл большой этап мужчин и женщин, осужденных за «контрреволюционные преступления». С этого момента Алжир перестает быть чисто женским лагерем. В годы войны в отделение прибывали этапы осужденных не только по политическим мотивам, но и за чисто уголовные преступления.

Известные имена узниц АЛЖИРА

Здесь отбывали наказание жены и родственницы высокопоставленных военных, общественных и политических деятелей СССР и республики. Например, жена Бухарина; жена, дочь, две сестры полководца М. Н. Тухачевского; две сестры Я. Гамарника; жена Блюхера; жена и дочь А. С. Янукидзе, мать поэта Б. Окуджавы, жены видных государственных и общественных деятелей Казахстана И. Кабулова, А. Калменова, Н. Сыргабекова, А. Каспакбаева, У. Кулымбетова, С. Сейфуллина, Б. Майлина, Ж. Шанина, Т. Рыскулова, Т. Жургеннова, С. Асфендиярова, С. Мендешова, С. Кожанова, К. Таштитова, Н. Манаева и многих других. Около 90 процентов заключенных имели высшее образование. Были представители разных профессий: артисты, инженеры, техники, строители, врачи, геологи, учителя, художники. К примеру, здесь полностью оказалась труппа Харьковского оперного

театра из Украины. По воспоминаниям самих заключенных, здесь находилось «1000 артисток, 360 пианисток». К примеру, здесь находилась солистка Харьковской оперетты Е. Оловейникова, бывший директор Московской оперетты М. Лер, актриса Т. Окуневская, К. Андроникашвили и другие. Здесь же оказались известная артистка Л. Русланова, знаменитая актриса Р. Плисецкая. Их силами проводились концерты. В АЛЖИРе были свои врачи и медсестры из числа самих же узниц. Они обслуживали как «алжирок», так и вольнонаемных работников. В первое время узницы спали на полу, устланном в лучшем случае матрацами из камыша. Позднее они получили двухъярусные кровати. В бараках было организовано печное отопление. К примеру, тяжелая участь постигла сестру Алимхана Ермекова – Дамеш, вышедшую замуж за видного государственного деятеля Казахстана Т. Жургенова. Она, как жена врага народа, была осуждена на 18 лет, прошла через лагеря Новосибирска, Челябинска, Нижнего Тагила, а также Алжира. Когда началась война, несколько раз просилась на фронт, но всегда получала отказ. В лагере же работала врачом. Здесь отбывала наказание и жена первого казахского режиссера Ж. Шанина – Жанбике. Не выдержав испытаний, некоторые женщины сходили с ума. Были случаи их расстрела. К примеру, в 1939 году жена наркома здравоохранения КазССР Кира Нурмуханбетова была убита охранниками за то, что из-за слабого слуха не расслышала приказ надзирателя. В случае, если женщины задерживались в бараке или на работе, то их немедленно наказывали дубинками. По неполным данным, в этом лагере умерло свыше 600 женщин. Здесь отбывали наказание женщины 62 национальностей, в том числе и более 700 женщин из Украины. Грудные дети направлялись в лагеря вместе с матерями. В среднем в АЛЖИРе до достижения возраста 4 лет находилось около 400 детей. Далее они отправлялись в детские дома, где также была высока смертность. Например, в одном только 1943 году умерло по Карлагу 226 детей. Здесь же рождались дети, которые позднее увозились также в детские дома. Было немало случаев рождения детей от надзирателей. Дети многих узниц АЛЖИРа содержались в Осакаровском, Долинском детских домах, 18 детских садах и яслях Карагандинской области. После своего освобождения многие матери не сумели найти своих детей. Одна из узниц АЛЖИРа Т. Шахова вспоминала: «Наверное, процентов 80 из выживших так и не сумели объединиться с детьми. Эта страшная трагедия, незаживающая психологическая травма оставалась у многих из нас до последних дней жизни». В Акмолинском лагере было швейное и вышивальное производство, где работало около 3 тысяч человек. Во время войны швейная фабрика выполняла заказы по пошиву обмундирования для военнослужащих. Лагерь имел свое зерно, свои овощи, было построено картофелехранилище, мельница, пекарня, маслобойка, крупорушка и свою электростанцию. Здесь было развито

полеводство, огородничество, садоводство и бахчеводство, занимались и животноводством. Огород и пшеничное поле располагалось на 5 тысячах гектарах, были две фермы по 250 коров. Узницами было много посажено малины, поэтому это село долгое время официально называли Малиновкой. Женщины трудились на животноводческих участках и точках. Они месили ногами глину для самана, нередко в холодное время года. Вес каждого такого блока-сырца доходил до 16 килограммов. Самой трудной работой была заготовка камыша. Все работы выполнялись вручную. На работу и обратно шли в сопровождении вооруженной охраны с собаками. Охрану лагеря обеспечивал дивизион из 200 человек, которые жили в отдельной казарме. На внутренней части территории лагеря находилось около 15 надзирателей. Установка на репрессивные меры на этом не заканчивалась, а продолжалась. Если срок пребывания в лагере заканчивался во время войны, узниц удерживали в лагере на правах вольнонаемных до ее окончания. Бесправные женщины продолжали трудиться, за невыполнение производственных норм они подвергались наказаниям. За 15 лет своего функционирования АЛЖИР стал прибыльным предприятием. По производственным показателям среди всех других отделений Карлага он был лучшим.

Помощь узницам со стороны казахского населения

Местное население пыталось по возможности помочь узницам. Это им не всегда удавалось, так как заключенные находились за колючей проволокой, их зорко охраняли надзиратели. Часто местные жители, пробираясь через камыши, приносили кто хлеб, кто масло, а кто и мясо. Есть в воспоминаниях узниц один уникальный и интересный случай такой помощи со стороны местного населения. Рядом с лагерем, за озером располагался аул Жанажол, благодаря жителям которого многие узницы выжили. Как-то к работающим узницам пришли казахи-старики, а рядышком молча шли женщины, за руки держа малолетних детей. В руках последних были сумки, в которых было что-то тяжелое, вроде небольших камней. Вдруг дети стали неожиданно кидаться этими «камнями». Заметив эту сцену, конвоиры стали смеяться: «Вот видите, какие вы враги народа, вас не любят не только в Москве и в ауле, даже дети бросают в вас камни». Для узниц эти слова были очень обидными. Когда казахи ушли, одна из женщин, неся камыши, споткнулась об один из этих «камней». И ей показалось, что запахло молоком и сыром. Тогда заключенные поняли, что местные жители, рискуя своей жизнью, кидали в них курт (сушеный сыр. – Авт.). Бывшая заключенная немка Г. Платайс по этому поводу написала известное стихотворение «Курт – драгоценный камень», где есть такие трогательные слова:

«Я, немка, молилась Мусульманскому богу, Но ничего не просила себе. Я просила старикам здоровья, Женщинам-матерям счастья А особенно молилась за детей Чтобы не увидели они несчастья».

Трудности после освобождения заключенных

Акмолинское спецотделение официально просуществовало до июня 1953 года. В этом же году АЛЖИР в составе еще шесть отделений Карлага был передан Министерству сельского хозяйства и заготовок. Узницы АЛЖИРа, считая дни до своего скорого освобождения, верили, что после отбытия наказания их ждет новая жизнь. Но процесс выхода на волю затянулся и принес им массу проблем. Освобождение женщин из лагерей происходило не какой-то единовременной акцией, а поэтапно. И зависело это не только от сроков наказания, но и от соответствующих директив НКВД СССР, не всегда поддающихся человеческой логике. После окончания войны начался отъезд из лагеря только в строго назначенный регион, город с определенным режимом проживания. Начинались препятствия с пропиской, с получением жилья, а также с устройством на работу. Их везде преследовало клеймо «жен врагов народа». Только лишь во второй половине 50-х годов XX века почти все женщины, осужденные как «ЧСИР», были реабилитированы. Дела по их обвинению были пересмотрены военным трибуналом, постановления особого совещания отменены. Им были выданы справки о реабилитации. Многие из бывших узниц АЛЖИРа не могли прописаться, найти сносную работу. Так, М. Л. Даниленко, освободившись из лагеря, поехала к себе в Украину. Там у нее остались родители и сын. Но голод, разразившийся в результате засухи в 1946 году, сделал свое дело: ее приезд оказался весьма некстати. Сын не признал ее, родители не могли и не хотели помочь. Ее близкие родственники продолжали жить под страхом наказания за родство с нею. Тогда она была вынуждена возвратиться в Акмолинск. Но бывшие узницы старались и после лагеря помогать друг другу. Устроившись на работу, получив угол, они уже звали в гости своих подруг по АЛЖИРу. Даже некоторые из них жили вместе, поддерживая друг друга в условиях жесточайшего отторжения их обществом. В Акмолинске и близлежащих поселках осталось или позднее возвратилось немало женщин – бывших узниц. Некоторые остались там до конца своей жизни. Отдельные из них создали новые семьи. Вот что мы узнаем из рассказа дочери М. И. Рачковой Галины: «На праздники готовили много вкусной еды, ведь эти женщины столько голодали. Все праздники отмечали вместе». Из воспоминаний бывшей узницы АЛЖИРа К. И. Мальцевой, прибывшей когда-то по этапу в АЛЖИР: «Куда податься с двумя малыми детьми без крыши над головой, с небольшой суммой денег? В Алма-Ату, где остались друзья, дорога заказана. В Свердловск к

родственникам – тоже нельзя. Пришлось остаться в Акмолинске. Отправилась по предприятиям, но в отделах кадров «косились» на мою справку и давали от ворот поворот. Ночевала с сыновьями на вокзале. Перебивались с хлеба на воду. Тут и случилась беда – вокзальный вор украл последние деньги. Осталась без копейки в кармане. Наконец, повезло, взяли уборщицей в 28-ю школу. Разрешили поселиться здесь же. Правда, потом дали комнату в соседнем бараке. Умещались в ней кровать, стол, да топчан. Но и этому, куда как скромному жилью, была рада. Зарплаты не хватало: из 250 (старыми) рублей высчитывали на государственный займ. Приходилось подрабатывать. Ходила за небольшую плату мазать стены, стирать. В школе ко мне относились с пониманием, жалели. Правда, некоторые учителя выражали свое презрение, мол, «тюремщица», «жена врага народа». После выхода из лагеря человек отрывался от всего окружающего мира. По воспоминаниям одной из узниц лагеря Р. Зуева-Ордынец: «Лагерная жизнь разрушала личность... По выводам лагерных «социологов», ровно через 10 лет у человека рвутся все нити с внешним миром. Социальные, дружеские, родственные связи практически уже не восстановимы в прежних объемах».

Эпоха полной реабилитации

13 августа 1990 года вышел Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов». Этот указ стал началом по дополнительной реабилитации жертв репрессии. 14 апреля 1993 года в Казахстане вышел аналогичный закон по реабилитации жертв политических репрессий, согласно которому «действие его распространялось на всех без исключения лиц, непосредственно подвергшихся после 25 октября (7 ноября) 1917 года политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной в настоящее время компенсации причиненного им морального и материального ущерба». Дети, «находившиеся вместе с родителями или заменявшими их лицами в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении также признаются жертвами политических репрессий». 1997 год был объявлен в республике годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Общественность открыто узнала о существовании сталинских лагерей о вопиющих случаях жестокого отношения к заключенным. Стали появляться статьи, монографии, документальные фильмы об узниках АЛЖИРа и других лагерях. В том же году, учитывая обращения граждан и общественных объединений республики, в целях увековечения памяти жертв политических репрессий вышел Указ Президента Н. А. Назарбаева об установлении 31 мая Днем памяти жертв политических репрессий. До недавнего времени

на месте АЛЖИРа находился поселок Малиновка. В 1975 году там было образовано Целиноградское производственное объединение по птицеводству «Акмола-Феникс». В поселке функционировал небольшой мемориальный музей, содержащий экспонаты, рассказывающие о судьбах репрессированных. При въезде в поселок был облагорожен тополями, посаженными узниками в 30–50-е годы XX века. На тополиной аллее установлен памятный знак в память о томившихся в заключении женщинах. Он представляет собой надколотую звезду красного цвета, а в глубокой трещине, как впившаяся в сердце заноза – черная решетка и колючая проволока. В 2007 году Малиновка была переименована в поселок Акмол и стал районным центром Целиноградского района Акмолинской области. 31 мая 2007 года при участии Главы государства Н. А. Назарбаева был открыт крупный музейно-мемориальный комплекс на месте АЛЖИРа. На его открытии приняли участие и бывшие узницы. Сюда приезжают сотни и тысячи посетителей. Каждый из них уезжает с твердым убеждением в том, чтобы в будущем подобное никогда не повторилось. Сотрудники музея проводят огромную поисковую и экспозиционную работу, а также осуществляют научные исследования. Настоящая статья подготовлена в рамках реализации ОФ «Согласие народов» государственного гранта на тему движения «Алаш» и политических репрессий НАО «Центра поддержки гражданских инициатив» при непосредственной поддержке Министерства по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан. При подготовке статьи были использованы материалы, предоставленные руководством и сотрудниками музейно-мемориального комплекса АЛЖИР.